

Александр Федорович Меркер – выпускник 1961 года, действительный член Русского Географического общества, лауреат Всесоюзной премии им. Н.К.Крупской, отличник народного просвещения РФ, учитель биологии высшей категории, основатель и руководитель научного общества школьников «Юный эколог». Награжден почетным знаком «За охрану природы России» (высшая награда Центрального совета Всероссийского общества охраны природы). Дважды лауреат ВДНХ в Москве, депутат городского совета в 1990 годах.

Из воспоминаний Меркера А. Ф.

Годы учебы: август 1957 – март 1961 годы

Я родился 4 января 1937 года в Саратовской области. Свой трудовой путь начал станочником на Богословском алюминиевом заводе. В 1957 году я приехал на поезде из Краснотуринска в Красноуфимский сельскохозяйственный техникум учиться на агронома.

Жизнь показала правильность моего выбора. Знания особенностей жизни и развития растительного мира, полученные мною в стенах техникума от талантливейших преподавателей, стали путеводной звездой всей моей жизни. Прибыв в техникум, я узнал, что на агрономическое отделение, куда я хочу поступить, принимается только одна группа - 30 человек, а желающих поступить - 150 абитуриентов. Мне предстояло выдержать конкурс - пять человек на одно место. Нам нужно было сдать четыре экзамена: русский язык и математика (письменно и устно). Уже после первого экзамена – диктанта - половина претендентов отсеялась. Оставшиеся три экзамена я тоже успешно сдал и был зачислен на агрономическое отделение. Приказ о зачислении в техникум нам зачитал сам директор техникума М.З. Комаровский. Он же назначил временно (до начала учебного процесса) исполнять обязанности старосты группы Ещеркина Александра, уже прошедшего службу в армии. Директор техникума показался нам очень суровым и жестким человеком. Потом мы узнали его ближе, за его внешней суровостью скрывалась глубокая человечность, энциклопедическая образованность и страстная приверженность к агрономической науке. И еще, оказалось, что это его последнее зачисление молодежи в ряды студенчества: с 1 сентября Михаил Захарович уходит с поста директора техникума, уходит на пенсию. И только нашей группе он будет преподавать почвоведение. Сразу после зачисления нам выделили постоянное жильё в деревянном общежитии (пристрой к дому культуры) на

берегу реки Уфы и объявили, что через пару дней нам предстоит выезд на дальний покосный участок для заготовки сена коровам и лошадям учебно-опытного хозяйства техникума. Эти выпавшие нам свободные дни мы посвятили для постановки на комсомольский учет в комитете комсомола, а я еще и в комитете по спорту (как «Судья третьей категории»), посещения городского музея рядом с рынком и знакомству с городом.

Через пару дней нашу группу под руководством преподавательницы истории Валерии Ивановны Кобелевой отправили на покос. Это был дальний участок, на границе с Молотовской областью (Пермский край). Несколько часов езды на грузовой машине, и мы прибыли на большую лесную поляну. На одной стороне этой живописной поляны стоял пустой деревянный амбар давнишней постройки, но хорошо сохранившийся. Вот в этот амбар нас и поселили. Уже на другой день мы приступили к сенокосению. Косили вручную и конной косилкой. Многие из нас, в том числе и я, впервые столкнулись с этой работой. Первые 2-3 дня было тяжело, но потом мы усвоили премудрости сенокосения, привыкли. Еду для всей группы мы варили на улице под навесом - защиты от дождя. Поваром мы выбрали самую старшую из нашей среды - Аду Ивунину. На подхвате у нее, костровым, были мы, парни. Костровыми мы были по очереди. Если группа косила недалеко от нашей жилой поляны, то на обед все ребята подходили к амбару. Когда косили на дальних участках, то помощник повара брал у хозяев поляны коня, запрягал его в телегу, на которую водружались и накрепко привязывались два больших молочных бидона (один с едой, другой - с питьем), а потом вместе с поварихой доставляли обед к месту покоса. После обеда мы разбредаемся по своим участкам, чтобы до вечера в поте лица махать литовкой и сгребать высохшее сено. Две недели, проведенные на этой чудесной поляне, пролетели быстро и весело. Оказалось, что наша группа состоит и из вчерашних школьников, и из людей, имеющие уже трудовой стаж, самым младшим было по 14 лет, а самой старшей - Аде Ивуниной - было 32 года. Совместное проживание и каждодневная работа на виду друг у друга помогла нашей группе в краткий срок узнать друг друга и сдружиться. Мы умудрились даже полуторачасовой концерт подготовить и показать его жителям деревни, располагавшейся в 5-6 км от нашей поляны. Инициатором концерта был Акиев Рудольф, как потом оказалось, большой любитель художественной самодеятельности. Выкосив все участки и сметав всё заготовленное сено в большие зароды, мы прибыли в Красноуфимск и приступили к учебе. Уже первые лекции меня заинтересовали, особенно по ботанике. Но занятия в техникуме продлились недолго. Уже в конце первой недели сентября студентов отправили по совхозам района убирать картошку.

Нашу группу направили в деревню Шуртан. Поместили нас в пустой дом, который стоял на берегу речушки. В доме никаких комнат не было. От одной стены дома до другой были оборудованы двухъярусные нары. Нижний ярус мы выделили девушкам, а сами разместились на втором этаже. Руководителем у нас опять была Валерия Ивановна Кобелева. Каждое утро, позавтракав, мы направлялись на колхозное картофельное поле и собирали клубни вслед за прошедшим трактором, который выворачивал пласты картофельных рядов. Когда же трактор ломался, нам вручали вилы: один подкапывал два рядка, а два человека подбирали за ним клубни. Обед подвозили прямо на поле. Уставали за день, конечно, но не роптали, мы же комсомольцы. Многие из нас приобретали опыт деревенской жизни. Шуртан – деревушка маленькая, но своя начальная школа была и в этом здании была небольшая библиотека. Много вечеров после трудового дня я провел в этой библиотеке. Библиотекарша (совмещавшая эту миссию с основной работой на свиноферме) открывала мне библиотеку, а сама, обычно, тут же уходила домой, а я погружался в мир книг по новой для меня сельскохозяйственной тематике. Почти три недели мы работали на колхозных полях Шуртана. Наконец, весь картофель был выкопан, отсортирован и уложен в отсеки картофелехранилища на зимнее хранение. Получив благодарность за помощь и отличную работу, мы на бортовой машине были отправлены в Красноуфимск.

И началась у нас настоящая студенческая жизнь. Первый год нашего обучения в техникуме совпал с ошеломляющим событием того времени. Этим неожиданным и радостным событием для нас, как и для всего советского народа, был запуск 4 октября 1957 года первого в мире искусственного спутника Земли. Это грандиозное событие человечества взбудоражило и весь мир. Мы ежедневно слушали сообщения по радио о местах, где невооруженным глазом можно наблюдать движущуюся светлую точку. Вечерами все жильцы нашего общежития высыпали на улицу и

устремляли свой взор на небо в надежде увидеть проносящийся по нему спутник. Увидев его, мы не кричали, мы орали от счастья и от гордости за нашу советскую науку.

Годы учебы в Красноуфимском сельскохозяйственном техникуме были моими самыми лучшими годами юности. Лекции, практические занятия, полевые практики, работа в нашем учебно-опытном хозяйстве, общественная работа – всё это так закрутило нас, что никакого намека на скуку у нас не было. Вместе с тем, такая насыщенная жизнь приучила нас к самоорганизации,

которая так пригодилась нам впоследствии. Основное внимание мы, конечно, уделяли учебе. Мы не только тщательно конспектировали лекции, но и много времени проводили в читальном зале библиотеки. Какое там было богатство! Я полностью окунулся в литературу и уклад жизни новой для меня биологической и сельскохозяйственной науки. Я погрузился в труды Вильямса и Докучаева, Мичурина и Лысенко, Прянишникова и Тимирязева, знаменитого агронома прошлого Стебута и знаменитого агронома современности Мальцева. Многие из прочитанного в трудах корифеев биологической и сельскохозяйственной наук я до конца не понимал, но суть улавливал. Надо отметить, что труды Н.И. Вавилова, Вейсмана, Моргана, Менделя тогда были запрещены, так как на них был навешан ярлык антимичурина, антинаучного учения. Трудов этих ученых в библиотеке не было. С трудами этих ученых я познакомился много лет спустя, когда я уже работал в школе, преподавая биологию. После развенчания авторитета «народного академика» Лысенко, ярого противника западных и советских генетиков, имена этих ученых были реабилитированы, их труды постепенно стали издаваться, и становились доступными для общественности. Именно в годы учебы в сельскохозяйственном техникуме я начал собирать книги по различным темам: ботаника, сельское хозяйство, история, спорт, художественная литература. Книги, накопленные в студенческое время - это была моя основная ценность, это был мой основной груз, который я увозил из Красноуфимска после окончания техникума.

Курс по почвоведению у нас вел М. З. Комаровский. Как он мучился с нами, стараясь довести до нас премудрости этой науки! А иногда суть лекции излагал своим крупным размашистым почерком на 5-10 листах и давал их нам на руки, а мы уже после занятий конспектировали содержание в свои общие тетради. Вскоре мы начали понимать то, что объяснял нам преподаватель.

В канун первого сентября 1958 года начался второй курс нашего студенчества. Появился новый предмет – «Механизация сельскохозяйственного производства». Занятия по механизации проходили у нас не в главном здании техникума, а в двухэтажном здании бывшей церкви (Белая церковь), переоборудованное в механический корпус и спортзал. Мне интересно было учиться, поэтому трудностей в усвоении учебного материала я не испытывал. Довольно часто мне приходилось помогать своим товарищам в усвоении той или иной темы, делал я это охотно и, как мне кажется, успешно. Часто товарищи говорили, что мне надо бы в школе работать, ребят учить. Я был рад, что чем-то мог помочь своим товарищам.

За годы учебы в техникуме мы получили не только отличные знания по предметам, но и навыки практической работы по многим сферам сельскохозяйственной деятельности. У нашего техникума было большое учебно-опытное хозяйство, которое находилось за рекой Уфой. В наше время управляющим учхоза был Горбач М.С. Весну, половину лета (до каникул) и осень мы практически проводили на территории этого хозяйства. Весну начинали с парниковых работ: высевали различные культуры для получения рассады, прореживали, пололи эти посевы, поливали, открывали рамы для проветривания, а вечером закрывали парники рамами, а если предвиделось похолодание, то укрывали парники камышовыми матами, которые мы сами и плели. Переборка картофеля, выкладка клубней для яровизации – всё это тоже входило в наши обязанности во время практических работ в учхозе. Кроме зерновых культур и картофеля, мы выращивали помидоры, огурцы, капусту, лук, редис, клубнику и другую мелочь. Большая площадь у нас была занята смородиной, крыжовником, малиной. Был свой фруктовый сад.

От нашего учебного хозяйства мы имели большую пользу не только в том, что получали навыки выращивания разных сельскохозяйственных культур. От него мы имели и чисто экономическую выгоду. Во время работы и практики в нашем хозяйстве мы ежедневно бесплатно питались в своей студенческой столовой, которая находилась на территории хозяйства. К обеду мы (агрономы и механики) собирались в столовой, и наш повар тетя Дуся через окошечко выдавала нам суп, второе и на третье – компот или молоко (между прочим, свежее, утренней дойки, и тоже от своих коров). Если нужна была добавка – пожалуйста, никаких проблем. Да, были времена! В зимнее время нас иногда привлекали к работам в качестве подсобных рабочих на животноводческой ферме учхоза. Это была работа не для всей группы, как обычно, а только для парней, по два - три человека от группы. В такие дни приходилось вставать рано, чтобы успеть вместе с доярками к началу дойки коров. При входе в коровник в нос ударял терпкий запах навоза и свежего силоса. Наша обязанность состояла в том, чтобы очистить стойло от навоза, развести силос к кормушкам, подбросить свежего сена. К началу вечерней дойки мы опять должны были быть на ферме. Все утренние работы повторялись и вечером. Это называлось дежурство. Премудрости сельской трудовой жизни познавали мы не по книгам, а наяву. Кстати, лекции за пропущенный день приходилось вечером переписывать из конспектов ребят, так как от знания данной темы нас никто не освобождал.

В начале лета нам приходилось вручную косить молодые зерновые, «зеленку» - это была витаминная подкормка нашему коровьему стаду и свиньям. Свежую, душистую кошенину мы тут же грузили на телегу и

отвозили на скотный двор. Во время уборочных работ мы стояли на копнителях, прицепленных к комбайнам, и вилами равномерно распределяли солому в бункере копнителя и, по мере его наполнения, сбрасывали кучу соломы на поле. Эти соломенные кучи мы же потом стаскивали (вручную и на лошадях) в одно место, где формировали длинные зароды. Зимой солома тракторами подвозилась к фермам и использовалась на подстилку животным. Конечно, за день такой работы в учхозе мы уставали и рады были, если в конце рабочего дня нас к общежитию подвозили на машине. Но чаще всего путь от учхоза до общежития проделывали пешком, а уж утром на работу в учхоз всегда пешком ходили. Этот путь пролегал через Козий парк, который тянулся вдоль правого берега Уфы. Домой из учхоза мы возвращались уставшими, в пыли и соломенной трухе. Взяв полотенце и мыло, мы спускались к реке, вытряхивали одежду и бросались в реку. Холодная вода освежала нас, усталость проходила, молодое тело быстро приходило в норму, и мы снова были готовы к активным действиям.

Наше общежитие находилось на высоком правом берегу Уфы, в самом начале улицы Советской. Это был двухэтажный деревянный пристрой к кирпичному зданию городского дома культуры. Здесь жила незначительная часть студентов техникума. Основная часть иногородних за определенную плату хозяевам была размещена на постой по частным домам в городе. Само же наше общежитие имело широкий общий коридор, слева и справа располагались комнаты, в каждой из которых проживало по 10-12 человек. Только одна наша угловая комната, примыкавшая к дому культуры, была меньшего размера. Посередине коридора была большая комната-умывальня. Все удобства – на улице. Дрова для отопления печей привозили в виде чурок. Мы их кололи, заносили в комнату, печи топили сами. Морока с дровами была зимой после обильного снегопада или бурана, тогда чурки надо было сначала откопать от снега, потом колоть. Наша комната (№ 4а) в общежитии была довольно дружным коллективом. В разные годы в нашей комнате жило 5-6 человек. Вместе с нами – первокурсниками (Иван Алексеев, Михаил Шилов и я) жили три Николая – Екимовских, Истомина и Токачев (тоже агрономы), которые учились на третьем курсе. После их выпуска, к нам подселили парней из нашей группы - Александра Ещеркина, Виктора Шмидта и Юру Казанцева. В комнате всегда было тепло, светло, уютно. Жили дружно. Дежурили по очереди, за порядком строго следили комсомольцы. И питались вместе. Картошку по льготной цене выписывали в своем учебном хозяйстве, а когда там продажу прекращали – покупали на базаре. Обедали после лекций мы обычно в техникумовской столовой, которая размещалась в подвале главного корпуса. Для питания в нашей

студенческой столовой мы по льготной цене могли приобрести месячные талоны на комплексные обеды. Питаться можно было и без талонов, покупая обед за наличные деньги. А вечером устраивали общий стол в своей комнате: дежурный в большой сковородке на электроплитке жарил картошку, а мы, усевшись вокруг стола, тыкали в нее вилками и поедали ее вместе с хлебом и килькой. Кильку мы покупали в магазине, где продавщица ссыпала ее в газетный кулек, а если кульков не было, то заворачивала в серую бумагу. Совместный ужин всегда заканчивался горячим сладким чаем. Стипендии, конечно, на месяц не хватало. Приходилось выкручиваться. Парни из нашего общежития ходили вагоны разгружать на железнодорожную станцию. Девчата тоже подрабатывали после лекций: кто-то помогал в техникумовской столовой, кто-то занимался уборкой аудиторий. У меня другой источник дополнительных денег был. В городе почти каждое воскресенье проводились лыжные соревнования разного уровня. Почти на все соревнования районного, межрайонного и областного масштаба районный комитет по спорту назначал меня главным секретарем этих соревнований (к третьему курсу я имел уже звание «Судья Первой категории», которая присуждается за судейство многих соревнований областного уровня). Эта судейская работа тоже оплачивалась. Иногда выходили из положения по-другому. По инициативе Хрущева Н.С. тогда в городских столовых за хлеб не платили, он всегда большой горкой в тарелке на столах стоял. Мы заходили в городскую столовую, закупали два стакана чая, садились за стол с бесплатным хлебом – вот тебе и сытный обед. Бывало и так, когда очень супчик или котлету с гарниром хотелось поесть, а денег не было: повара нас, студентов, хорошо знали, так они нас в долг кормили. Правда, получив стипендию, мы первым делом не домой шли, а в столовую – расплатиться. Чтобы мы увиливали от уплаты денег поварам - этого и в помыслах у нас не было. Меня до сих пор поражает сострадание и высокая степень доверчивости этих тружениц городской столовой Красноуфимска. Этим незнакомым женщинам-поварам, выручавшие нас в голодные дни, - низкий поклон!

Неподалеку от общежития находился кинотеатр «Октябрь», который мы часто посещали. В самом же доме культуры городские мероприятия проводились редко. Иногда на его сцене ставились спектакли, где несомненным успехом пользовался наш Рудольф Акиев. Он был прирожденным артистом. Особенно ему удавались роли стариков. Я присутствовал почти на всех спектаклях с его участием. На четвертом курса Рудольф один семестр преподавал даже в местном педагогическом училище, где вел факультативный курс сценического искусства. Иногда профком и

комитет комсомола техникума проводили в городском доме культуры вечера отдыха для своих студентов и городской молодежи. Частыми гостями на наших вечерах отдыха были девушки-студентки Красноуфимского педучилища. На одном общетехникумовском комсомольском собрании присутствовал секретарь райкома комсомола Борис Миков. Как водится, после собрания в актовом зале техникума состоялись танцы. Посмотрев на ножные и туловищные выкрутасы наших товарищей (тогда только что стали модными танцы с энергичными «потряхиваниями» всех частей тела), Борис Миков возмутился, призвал всех к, как он сказал, «порядочным» танцам. Сам попросил поставить пластинку с вальсом, пригласил одну нашу студентку к танцу и закружился с ней по залу. Когда музыка вальса закончилась, и Миков галантно проводил свою партнершу к группе ее подруг, раздались аплодисменты. Довольный Миков, улыбаясь, громко произнес: «Вот так танцевать должна советская молодежь! Продолжайте вечер». Вновь заиграла музыка, молодежь ринулась в круг и пошли прежние выкрутасы телом. Секретарь райкома комсомола посмотрел на беснующуюся молодежь, махнул рукой и пошел к выходу.

Не одной учёбой мы занимались в техникуме. Общественная жизнь там была боевой, кипучей. У всех были комсомольские поручения по принципу «от каждого по способностям». На первом курсе, с первых дней после начала занятий, многие ребята нашей группы активно включились в общественную жизнь техникума. Мне тоже доверили возглавить один из важных участков студенческой жизни. Так как, я уже имел звание «Судья третьей категории», то сразу же встал на учет в районном комитете по физкультуре и спорту, председателем которого был Сагин Александр Иванович. Уже в ноябре 1957 года я был избран в комитет добровольного спортивного общества (ДСО) «Урожай» нашего техникума, а в январе 1958 года уже возглавил этот комитет. Мы проводили соревнования по легкой атлетике, плаванию, волейболу, стрельбе, лыжам, комбинированной эстафете, по шахматам и шашкам, хоккею и по скоростному бегу на коньках. Практиковали выезды в села, где проводили товарищеские встречи с местными футболистами, волейболистами. Иногда такие выезды совершали совместно с Рудольфом Акиевым, который руководил художественной самодеятельностью техникума. Сначала мы проводили спортивное мероприятие, а потом вместе с местным населением смотрели спектакль наших артистов. Вся спортивная работа среди студенчества проводилась нашим комитетом ДСО «Урожай» в тесном сотрудничестве с преподавателем физической культуры Владимиром Васильевичем Сытовым и военруком техникума Николаем Васильевичем Гончаренко. В.В. Сытов был молодым специалистом, в техникуме работал

только первый год. Его профильным видом была гимнастика. В первые два года работы на всех концертах в техникуме В.В. Сытов выступал с гимнастическими номерами на брусьях, которые устанавливались для него на сцене. Выступал он всегда в белоснежном гимнастическом трико, под музыку изящно выполнял различные упражнения и в конце выступления делал ловкий соскок с брусьев. Зал зачарованно смотрел на выступление молодого преподавателя и разражался оглушительными аплодисментами. Мы могли достойно оценить мастерство человека. В начале каждого учебного года мы составляли план работы на год, доводили его до сведения каждой группы, потом общими усилиями реализовывали его. Много наших спортсменов были в числе сборных команд областного Совета ДСО «Урожай», а Геннадий Севрюгин выступал на велогонках даже на республиканских соревнованиях в составе сборной Свердловской области.

Для подготовки судей по различным видам спорта мы ежегодно проводили многочасовые семинары для активистов спорта из числа наших студентов. Сам я постоянно возглавлял судейские бригады в соревнованиях по лыжным гонкам, легкой атлетике, плаванию, шахматам, волейболу и готовил судей по этим видам спорта. В спортивную жизнь техникума я привнес комбинированную эстафету, которую я перенял из спортивной жизни Краснотурьинска. Эта эстафета включала этапы: бег, лыжная гонка (юноши и девушки), бег на коньках (каток городского стадиона), бег с санками (юноша и девушка). Эстафета проходила в воскресный день по улицам Красноуфимска и его окраинам и собирала много зрителей.

На третьем курсе получилось так, что, возглавляя спортивный комитет техникума, одновременно я был еще и заместителем председателя профкома техникума. Так как председателем был четверокурсник, которых по традиции после Нового года освобождали от всех общественных постов (чтобы готовились к дипломным работам и выпускным экзаменам), то вторую половину учебного года мне пришлось совмещать руководство двумя общественными студенческими организациями. Основными заботами профкомовцев были вопросы организации досуга студентов, их бытовые условия, питание. Ежеквартально мы имели возможность оказывать особо нуждающимся студентам материальную помощь из кассы профкома, из небольшого бюджета, который спускался нам сверху.

Так как местность вокруг Красноуфимска идеально подходила для лыжных гонок, то у нас часто проходили тренировочные сборы для женщин, включенных в сборную команду СССР по лыжным гонкам.

В декабре 1958 года у нас тренировалась сборная страны, в составе которой была серебряный призер Олимпийских игр в Кортина -д.Ампеццо - 1956 г. -

Италия) и чемпионка мира в эстафетной гонке (Лахти - январь 1958 г. - Финляндия) Радья Ерошина. Мы, конечно, пригласили всю сборную во главе с Радьей Ерошиной на спортивный праздник, который был организован в техникуме. С неподдельным интересом мы слушали выступления заслуженных мастеров спорта СССР, задавали им много вопросов. В свою очередь, в своем выступлении я рассказал гостям о развитии спорта в нашем учебном заведении. Потом был концерт художественной самодеятельности, который подготовил Рудольф Акиев. Встреча прошла на высоком уровне. В очередное воскресенье сборная команда страны по лыжам приняла участие в лыжных гонках на первенство ДСО «Урожай» Свердловской области, где я был главным секретарем соревнований.

Наряду с усиленными занятиями по учебным предметам и общественной работой, мы несколько раз посещали селекционную станцию. Директором этого научного учреждения в то время работал Н.А. Голенищев. Наше посещение селекционной станции вскоре имело свое продолжение. Наш однокурсник Рудольф Акиев где-то прочитал заметку, где говорилось об опытах подзимнего посева яровой пшеницы и так загорелся этой идеей, что мы (парни нашей группы) были вынуждены сесть, так сказать, за круглый стол и обсудить эту идею. Суть идеи подзимнего посева была такова. Известно, что появление жизнеспособных всходов яровой пшеницы возможно при температуре почвы 4-5 градусов тепла, то есть, ранней весной можно уже сеять и, соответственно, пшеница раньше созреет и раньше можно начать уборочные работы, разгрузив напряженный уборочный период. Но беда в том, что в ранневесеннее время технику на поле не выведешь – грязь не позволит. А что, если посев провести под зиму? После всех уборочных работ. В спокойной обстановке. В ноябре, например. Тогда рано весной яровая пшеница «поймает» всю весеннюю влагу, быстро взойдет, даст хорошие всходы, рано созреет и ее рано можно будет собрать. Изложив все это, Рудольф ждал нашей реакции, которая последовала тут же. Согласившись со всеми плюсами, мы спросили Рудольфа: «А как вносить семена в почву в ноябре? Почва-то мерзлая». Рудольф сник, но отступать от своей навязчивой идеи не хотел. «А мы лопатами и киркой бороздки сделаем» - ответил он. После длительной дискуссии мы пришли к единому мнению, что в обозримом будущем подзимний посев практического применения иметь не будет. Тем не менее, опыт решили провести. Ведь в опытническом деле любой результат важен и имеет научную ценность не только при получении положительного результата, отрицательный результат тоже служит на пользу науке: таким путем другие уже не пойдут.

Осуществление на практике опыта по подзимнему севу мы не стали откладывать в долгий ящик и уже на следующий день после лекций отправились в учхоз техникума, где встретились с его агрономом, А.П. Прияткиным. Выслушав нас, он усмехнулся и покрутил пальцем у виска, но согласился выделить нам участок размером 3 на 5 метров. Затем агроном повел нас в плодово-ягодный отдел учхоза и уже на местности показал участок, где мы можем, как он сказал, пофантазировать. Затем со склада выделил нам небольшой мешочек яровой пшеницы. В ближайшее воскресенье (дело было в середине ноября 1959 г.) мы шестером, получив от бригадира учхоза несколько штыковых лопат и пару кирок, отправились на «свой» участок. Вычистив площадку от снега, мы разделились на три звена, каждая пара с помощью шнура разметила рядки и начала лопатами и кирками долбить мерзлую землю. В полученные бороздки аккуратно разместили рядки пшеничных зерен, которые прикрыли крошками мерзлой земли, потом весь участок закидали снегом и отправились домой. Всю дорогу разговор только о проведенной работе и шел, и что мы увидим весной. Теперь мы с нетерпением ждали наступления весны, а время, как бывает в таких случаях, тянулось очень медленно. Наконец, апрель наступил, и мы стали наведываться на свой участок. В одно из посещений мы увидели ровненькие рядки зеленых всходов пшеницы. А трактора все еще на поля для пахоты выйти не могут, не говоря уж о невозможности проведения посевных работ. Но наша радость вскоре была омрачена. При очередном нашем посещении своего участка мы с ужасом увидели, что наш участок перепахан. Для выяснения обстоятельств, приведших к такому делу, мы привлекли агронома учхоза. Выяснилось, что при начале пахоты бригадир предупредил тракториста о наличии опытного участка, где нельзя пахать. Но тракторист недопонял указание бригадира и провел сплошную запашку территории, уничтожив нашу делянку, а вместе с нею и наш труд. Конечно, наш опыт никакого практического значения для хозяйства не имел, но нам интересно было, как повела бы себя яровая пшеница, посеянная в такие необычные сроки, как бы она вызрела и были бы зерна такими же полновесными, как при обычном посеве яровой пшеницы в весенний период? Так неудачно для нас закончился наш первый исследовательский порыв.

Когда мы начали учиться на третьем курсе, техникуму разрешили строительство нового здания под общежитие для студентов. Так как денежных средств выделили мало, то администрация техникума решила привлечь к работе самих студентов. Комитет комсомола и профком техникума бросили клич в студенческую среду о помощи. Во всех группах были проведены комсомольские собрания, на которых в добровольном

порядке всех студентов попросили принять участие в строительстве общежития. Теперь после лекций по разработанному графику группы ходили на стройку и в качестве подсобных рабочих помогали строителям.

За все годы учебы в техникуме у меня остался горький осадок только по одному эпизоду. Дело было незадолго до окончания третьего курса. Воспитанный в традиционном духе верности идеям социализма и коммунизма, а также желая приумножить ряды активных строителей коммунизма (вот дурацкая формулировка, которой пользовались почти все вступающие в партию, как будто беспартийный работал хуже коммуниста) я решил вступить в КПСС. С этой мыслью я пошел в партком техникума, где секретарем партбюро была женщина, преподавательница какого-то технического предмета на отделении механиков. Секретарь партбюро посмотрела на меня и произнесла: «...По всем характеристикам, Саша, ты, конечно, достоин быть в рядах партии. Вот только одно мешает. Твоя национальность. Ведь ты же немец? Если даже мы здесь, в техникуме, и примем тебя в кандидаты, то в райкоме партии тебя все равно не утвердят». На этом наша беседа закончилась. В круговерти дел я как - то и забыл о своей принадлежности к немецкой национальности, а партия - начеку, не забыла, все помнит и обо всех.

Это был третий удар коммунистической системы по гражданину Советского Союза немецкой национальности. Первый удар был нанесен в августе 1941 года, когда партия обвинила целый народ немецкой национальности в пособничестве врагу, противопоставила нас всем народностям страны, выселила немецкий народ на задворки страны, а затем и республику Немцев Поволжья незаконно ликвидировала. Второй удар был нанесен мне, когда мне исполнилось шестнадцать лет и я, невинный, виновным был поставлен под надзор комендатуры. Это событие послужило мне крепким уроком. Я впервые задумался о сущности партии коммунистов, о верности - неверности того, что она провозглашает, о расхождении между лозунгами партии и фактическим состоянием дела в стране. Партийные функционеры, начиная от Кремля и кончая первичными организациями, страшно неумелой, назойливой пропагандой, сами того не подозревая, исподволь разрушали веру народа в идеалы партии. Не злодеи - капиталисты из «загнивающего капитализма» разрушали коммунистическую систему, а партия коммунистов сама изнутри пожирала себя. Вот так КПСС сама приближала свое разрушение. Руководители и идеологи партии, соревнуясь друг с другом в восхвалении партии, этим самым неумолимо толкали ее к краю пропасти. Конечно, эти мысли не сразу пришли мне в голову. Но начало было положено, «процесс пошел», - как потом скажет М. Горбачев.

После третьего курса у нас была производственная практика продолжительностью два месяца. Эта практика приходилась на уборочный период - август и сентябрь 1960 года. Распределение студентов на практику, как правило, шло по местным или областным совхозам и колхозам. Мой брат Владимир еще в начале 1957 года всей семьей переехал в Есильский район Акмолинской области (Казахстан) в недавно организованный целинный зерносовхоз «Свободный». На базе зерносовхоза была организована Государственная областная сельскохозяйственная опытная станция по разработке и внедрению в производство передовых методов выращивания зерновых культур. По просьбе брата директор совхоза А.А. Обушко направил в адрес руководства техникума письмо - вызов, чтобы студента Меркера (т.е. меня) направили для прохождения производственной практики в целинный совхоз «Свободный». Директор техникума и руководитель нашей практики никаких возражений не имели и дали «добро». Таким образом, из всей нашей группы только я один проходил практику не только за пределами Красноуфимского района, но и за пределами области и республики, да к тому же и в передовом научном хозяйстве. 30 июля 1960 года я прибыл зерносовхоз, где мне предстояло в течение двух месяцев пройти производственную практику. Вечером 31 июля я был в кабинете директора совхоза, обсудив общие вопросы, он познакомил меня с главным агрономом совхоза Эдуардом Александровичем Бедриком. Мы набросали общий план прохождения моей практики, предусматривающий изучение основных производственных процессов деятельности совхоза. Главный агроном закрепил меня за одной из полевых бригад, где я должен был курировать агрономическую деятельность, и помогать бригадиру в организации производственной деятельности бригады. Кроме того, для изучения сути деятельности ряда сфер (планирование, бухгалтерия, ГСМ, животноводство и т.д.) мне выделялось по несколько дней на каждый отдел. В эти дни мне следовало оставаться на территории центральной усадьбы совхоза. Следующим утром, 1 августа 1960 года, главный агроном познакомил меня с бригадиром и членам его бригады, и мы на машине отправились на полевой стан бригады, который располагался километрах в 10 от центральной усадьбы совхоза. Так началась моя производственная практика. Пошли дни, насыщенные самыми различными заботами. Приходилось проводить разрядку, контролировать качество подготовки комбайнов к предстоящей уборке зерновых культур, делать запасы горюче-смазочных материалов, готовить площадку для первичного хранения зерна (ток), налаживать веялки. Нужно было обходить пшеничные поля и выяснять основные сорняки, определять болезни и вредителей культур, оценивать степень спелости зерна,

определять очередность полей для уборки с них урожая. Работы было невпроворот, везде нужно было успеть. Мне всё было интересно. Со временем я познакомился со многими первоцелинниками, которые рассказывали мне, как в марте 1954 года они, молодые покорители целины, прибыли к месту будущего совхоза на берегу Ишима, как забили первый колышек, натянули первую палатку. Потом появилась первая палаточная улица. В апреле трактористы проложили первую борозду. К осени 1954 года появились первые улицы из сборных финских щитовых домиков и был получен первый целинный урожай. А совхоз получил красивое название – «Свободный». От своих наставников я узнал много интересного и полезного по организации производственного процесса. О многом из узнанного нигде в прессе не упоминалось. Например, в первые годы в целинных совхозах получали большой урожай пшеницы, но во многих хозяйствах половина, а то и большая часть урожая сгнивала. Причина гибели зерна заключалась в неумелой организации работ при освоении целинных земель: большие площади были засеяны пшеницей, а о том, как сохранить урожай - не подумали. Строительство элеваторов задерживалось, своих зернохранилищ в совхозах не хватало. Собранное зерно складировалось на совхозных стоках под открытым небом. Это были огромные горы зерна, достигавшие в высоту до 5 метров, а в длину – свыше ста метров. И таких гор зерна в каждом совхозе было несколько. Беда наступала тогда, когда начинались периоды осенних дождей. Зерно мокло, прорастало. Горы зерна покрывались коркой проросшего зерна, внутри пшеничного вала зерно горело. Всё это оборачивалось тем, что зерно изначально высокого качества теряло свои свойства, использование которого возможно было только в фуражных целях (на корм скоту). Сгнившее зерно весной бульдозерами сталкивали в буераки (овраги) или вывозили машинами, подальше от глаз. Во второй половине августа, освоившись с основными технологиями производства зерна, я уже начал готовить отчет по практике, который нужно было представить по прибытию в техникум. Отчет я писал после работы, вечерами, когда все уже спали. Я старался закончить написание отчета к моменту окончания практики, чтобы получить рецензию главных специалистов совхоза и по приезду в техникум сразу сдать его. Наконец, началась массовая уборка пшеницы. Это всегда самая напряженная пора. Комбайнеры работали допоздна, даже при свете фар. Бортовые машины сновали по полю вслед за комбайнами, которые изредка останавливались, чтобы выгрузить зерно из бункера и двигались дальше. В эти напряженные уборочные дни сотни автомашин, груженные зерном устремлялись по грейдеру (автомобильные дороги в степи) к районному элеватору, где зерно сдавалось государству.

Кузова машин тщательно герметизировались, чтобы не было потерь зерна в пути. Приближался конец сентября, заканчивалась моя практика. Пик уборочной страды пройден, но комбайнеры продолжали выжимать из своей техники всё возможное, чтобы до наступления дождливого периода убрать с полей всю пшеницу. Вот и настал последний день сентября. Вечером я имел заключительную беседу с главным агрономом. Он выдал мне характеристику о моей деятельности в совхозе в качестве практиканта и отзыв-рецензию о моем отчете. Когда я уезжал из совхоза «Свободный», то по дороге до железнодорожной станции Есиль я видел горы хлеба на токах, всё еще лежащие скошенные валки, обмолоченные поля, бесконечные автокараваны с зерном нового урожая, спешившими к элеваторам... Через несколько дней я был уже в техникуме. Наша группа съезжалась, мы готовились к началу первых лекций на 4 курсе.

За лето закончилось строительство общежития, комсомольцы провели субботники по благоустройству территории вокруг нового здания, уютные комнатки которого приняли своих первых постояльцев. Правда, из нашей группы в новенькое общежитие переселились только девушки, а мы, парни, были переведены из общежития на берегу Уфы в старенькое здание во дворе техникума. Нас это вполне устраивало - общежитие теплое и вставать утром можно было за 5 - 10 минут до начала лекций.

Руководитель производственной практики А. В. Янкин собрал наши отчеты на проверку. Лекции, лабораторные работы по растениеводству и другим предметам, работа в читальном зале библиотеки, общественные обязанности – все это вновь так закрутило нас, что минуты свободной не оставалось. В начале октября Янкин, после лекций, пригласил нашу группу в свой кабинет и сделал очень подробный анализ наших отчетов по летней производственной практике, после чего объявил отметки. На «отлично» преподаватель оценил два отчета, в том числе и мой.

В начале декабря 1960 г. Рудольф Акиев решил перейти на заочное обучение, чтобы раньше закончить техникум. Составить ему компанию он предложил и мне. На февраль 1961 года для группы агрономов - производственников заочного отделения были назначены Государственные выпускные экзамены. Вот Рудольф и предлагал присоединиться к этой группе агрономов и вместе с ними сдать выпускные экзамены. Предложение показалось мне заманчивым: у нас появлялась возможность почти на полгода раньше всей нашей группы сдать Госэкзамены, получить диплом и начать самостоятельную работу.

Директор разрешил нам перевод на заочное отделение и сдачу Госэкзаменов вместе с выпускниками-заочниками, но к началу Госэкзаменов мы должны экстерном сдать недостающие экзамены и зачеты. Сдавали мы четыре

экзамена. На подготовку для сдачи каждого экзамена отводилась одна неделя. Нас это устраивало. Председателем Госэкзаменационной комиссии был назначен Н.А.Голенищев - директор Красноуфимской селекционной станции. В состав комиссии, кроме директора техникума и нескольких преподавателей, вошли представители сельскохозяйственных отделов Красноуфимского района и Свердловской области. Вот и последний Госэкзамен сдан. На торжественном выпускном вечере мы получили дипломы по специальности «Агроном». Ребята из нашей группы поздравили нас с Рудольфом, позавидовали нам, пожелали нам успехов. Я тепло попрощался с ними и отправился в Тавду, к месту своей работы.

Работал агрономом, учителем биологии и химии, завучем, директором школы в Казахстане и Свердловской области. А.Ф. Меркер первым на Северном Урале разработал и ввел факультативный учебный курс «Основы экологии для школьников» и ежегодные 5-10 –дневные полевые практикумы и экспедиции по изучению природы Северного Урала. Опыт работы А.Ф.Меркера по экологическому образованию был изучен и одобрен Министерством Просвещения и рекомендован для использования по всей стране.